

Роберт:

Сегодня мы публикуем спикерскую человека, полное имя которого Джеймс Патрик Киннон, он родился 5 апреля 1911 года, умер 9 июля 1985 года на 36-ом годе чистого времени. Среди выздоравливающих зависимых всего мира этот человек известен как Джимми К. Он считается основателем сообщества Анонимные Наркоманы. При этом сам Джимми никогда не называл себя основателем НА, хотя первые записи и протоколы собраний чётко показывают, что он сыграл основополагающую роль в этом процессе. Джимми К. родился в местечке Пэйсли в Шотландии, его родителей звали Джеймс Патрик Киннон старший и Элизабет Кэрри. 8 августа 1923 года он вместе со своей семьёй переехал из Шотландии в Нью-Йорк, где работал кровельщиком. Сражался со своей болезнью зависимости от наркотиков до тех пор, пока, наконец, не пришел к постоянному, длительному и полному воздержанию от всех видов наркотиков в сообществе Анонимные Алкоголики, что произошло в День сурка 1950 года. Он вместе с рядом других зависимых от наркотиков, которые повстречались в сообществе Анонимные Алкоголики, начали встречаться отдельно от Анонимных Алкоголиков. Тогда они называли это – «встречи для наркоманов», первая из которых произошла 17 августа 1953 года.

Первое документально подтвержденное собрание выздоровления сообщества Анонимные Наркоманы произошло 5 октября 1953 года в Южной Калифорнии. На сегодняшний день сообщество Анонимные Наркоманы проводит более 58 000 собраний в неделю более, чем в 130 странах мира.

Джимми К. считается ключевой фигурой сообщества по ряду причин. Он написал несколько отрывков так называемой «маленькой белой книги», которая легла в основу Базового текста сообщества АН. Он также был разработчиком логотипа АН и служил в качестве добровольца в первом Офисе Мирового Обслуживания АН с самого первого дня, когда тот начал свою работу и вплоть до 1983 года.

Джимми К.:

Меня зовут Джимми, я выздоровевший зависимый. Заметили? Я сказал «выздоровевший». Часто говорят о том, как называть себя – «выздоровевший», «выздоровливающий»? А я считаю, что мы и так, и так тут говорим, и, пожалуйста, делайте свой выбор. Одна из вещей, которую я люблю в этой программе – всегда есть выбор. Боб, например, вам сейчас сказал, что он о вас думает. И что касается меня – это нормально. Если ты хочешь что-то сказать, я буду сидеть и слушать. Я объясню, почему я так сказал. Вернусь немножко назад, в историю, в 1962 год. Это была то ли весна, то ли раннее лето, где-то так... В то время я был женат на другой женщине, дети у меня были очень маленькие, пара детей. Возвращаясь как-то после обеда с работы, я включил радио, услышал новости и я был в шоке. Я услышал, что этот сукин сын Хрущев приезжает в Лос-Анджелес. Может быть, многие из вас не были тогда еще даже рождены, а для других это древняя история. А я настолько вышел из себя, что, приехав домой, сказал жене: «Слушай, завтра я приду домой с работы рано, я хочу, чтобы ты упаковала наши чемоданы, мы уезжаем. Я не буду дышать тем же воздухом, что и этот сукин сын!». Она ответила: «Мне по фигу, что тебя выдавливают из этого города на пару дней. Я очень рада, поехали!». Я хочу показать то, насколько наши жизни становятся управляемыми, когда мы занимаемся программой какое-то время. Возможно, вы дойдёте до этой стадии – делать важный выбор. Знаете, это всё замечательные слова, которые мы слышим на собраниях, и от наших спонсоров, и от других людей, которых мы, как правило, половину времени не слушаем. И я делал так – пытался найти человека, который будет соглашаться со мной, тогда я буду чувствовать одобрение и буду двигаться дальше. После какого-то времени, проведенного в этой программе, это уходит.

Что касается управляемости – я мог справляться с вещами, я мог принимать решения, и Первый шаг казался далеко-далеко впереди. Должен признаться, что я был бессилён перед своими зависимостями, что моя жизнь стала неуправляемой, потому что мне приносило удовольствие то, что я решал делать так или эдак. Результатом стало то, что мы уехали. Мы не знали, куда. В пятницу вечером мы спали в каком-то мотеле в Санта-Барбаре. А я в жизни не был в Санта-Барбаре. И я подумал, что здорово будет проснуться с утра и поехать посмотреть мессу в католический собор, сходить в музей, еще какие-то вещи интересные сделать, но не получилось. Там был дом, в котором проходило собрание АА. В общем, меня очень холодно всегда там встречали, и я уходил в спешке оттуда. На следующее утро я нашел нескольких ребят на кухне. И это такое место было, куда можно было возвращаться. Там не особенно много было чего делать, но вот на кухне – да! Приготовить что-то поесть, что-то купить и поговорить с парнем, который трясётся так, что даже сидеть не может прямо. На таких кухнях я понял то, что представляет собой эта программа. А на следующее утро, воскресное утро, я почувствовал себя так хорошо, что уехал из Лос-Анджелеса, где был этот сукин сын, на которого

я хотел свалить все свои обиды. Я хотел свалить все свои обиды на коммунистов, потому что мне не пришлось бы винить себя тогда. Я думаю, что это было бы переключивание ответственности. Я не могу находиться в «здесь и сейчас». И вот мы ездили с семьёй по городу, подобрали своих родных, поехали в какой-то музей в Санта-Барбаре, и я выяснил, что музей открывается только в 13-00. Вот мы стоим там, 10-30 утра, мы переживаем, жалуемся на Санта-Барбару, не знаем, что делать. Там был такой маленький парк, прямо рядом с вокзалом, я пошёл в бар, сел там, заказал чашку кофе. И это был обычный бар, где всегда есть какой-нибудь громкий тип, который спорит с поваром. Я услышал, что он говорит и спросил у бармена: «Что, вообще, происходит с ним, что за дела?». Бармен говорит: «Ему нож нужен». Я спросил: «Зачем ему нож? Он что, себе горло хочет перерезать?». Бармен говорит: «Нет. Русские приезжают на поезде, и он хочет их зарезать». И я подумал: «Какого хрена это всё происходит. Так всё было замечательно. И вот я тут оказался».

Да, вы правы. Пошёл я на вокзал. Поезд остановился. И вот они все вылезают – все эти телохранители. И я стоял ближе к ним, чем я сейчас к вам сижу, и я подумал про себя: «Глупый ты сукин сын, ты проехал всю дорогу до Санта-Барбары, и ты не привёз с собой пистолет!». Но я посмотрел на эту свиную морду, на эту лысую голову и подумал, что это здорово, что я приехал, потому что иначе оно того не стоило, понимаете, не стоило! Вдруг слышу шум, смотрю – тот тип из бара достал нож и пытается пролезть. Часть народа – журналисты, операторы с телевидения, пара полицейских хватает его. Это я к чему – вот так мы управляем своими жизнями, такой мой опыт.

Обычно я говорю просто, что мне в голову приходит, я не спикерю, как правило, на больших собраниях, обычно на маленьких собраниях, или у себя в офисе, или дома, когда мы садимся, 3-4 человека за стол. Вот так мне нравится, потому что я по-прежнему думаю, что в такой атмосфере мы немножко более честными становимся, чем обычно.

Я хочу говорить не о том, на что я надеялся, а о том, что происходит, потому что в нашем таком особенном образе жизни было всегда так, что мы надеялись быть где-то на шаг впереди самих себя в том, что мы надеемся. И в этом ничего плохого нет, мне кажется. Это лежит в основе нашей сущности, мы хотим чего-то лучшего для себя.

Так или иначе, я привёл свои мысли в порядок, сел вчера и решил написать план своей речи. Я быстро пробежался по некоторым вещам и написал около восьми страничек текста. И, прикиньте, я оставил их дома. И вот я стою здесь и могу говорить о том, о чём я обычно говорю, о том, как я чувствую себя сейчас, что я думал о программе, как я справляюсь с тем, что происходит в моей жизни и о том, как я что-то сделал или что-то не сделал в прошлом.

Если вы пойдёте за мной – это нормально, если вы пойдёте в другую сторону – это тоже нормально. У меня так. Я так живу – один день, один час. Возможно, мне придётся сражаться в жизни с тем или с другим, но я совсем не тот, каким я был вначале, потому что я не думал, что на самом деле мы очень-то меняемся. Что кто-то из нас очень меняется на самом деле, в жизни. Я думаю, что мы просто становимся другими, теми, какими мы должны были стать по замыслу.

Я не родился в Штатах, я родился далеко отсюда, в Пэйсли, Шотландия, вырос в семье, которая была очень религиозной. Отец мой был конференсье, комедиантом, всё время у нас было очень весело дома, было много смеха, песен. Я стал танцором с раннего возраста, и это заложило много стереотипов в моей жизни. Каждое соревнование я выигрывал, кроме одного. Произошла обычная штука – у меня с ноги слетела туфля. Судьи объявили, что я был самый замечательный танцор, но они не дадут мне главный приз. И это отразилось на моей жизни, потому что мне всегда хотелось быть номером один, всегда хотелось быть впереди. И я до сих пор такой. Я не думаю, что это плохо или что это ошибка, я думаю, что мне с этим надо быть очень осторожным, потому что, как и у многих других, у меня очень сильное эго, у меня много гордыни, я ненавижу чувствовать себя лузером. Я столько лет был в жопе, и всё равно я ненавижу проигрывать. Мне до сих пор трудно, когда я не добиваюсь своего. Люди всегда выталкивали меня в первые ряды, а мне не особенно нравилась эта ответственность. Мне говорят, что надо быть очень осторожным со своей природой, со своей сущностью, я знаю это. Но, может быть, я не знаю это так глубоко, как вы видите это. Я-то думаю, что я знаю себя, что я знаю себя лучше, чем кто-либо из вас. Потому что я знаю, до чего я могу дойти, если я не буду думать, если буду двигаться в том направлении, куда меня толкает моё эго. И это одна из причин, по которой я сейчас не стремлюсь контролировать свою жизнь. Скорее, я стараюсь воспитать себя делать конкретные, определённые вещи. Например, я не спикерю на больших собраниях, потому что это означает для меня представлять себя кем-то, кем я, на самом деле, не являюсь, потому что я закрытый человек, и я не люблю делиться тем, какой я внутри перед большим количеством людей. Я всегда был таким. Иногда я практически одиночка. Я не то, что отшельник какой-то, как люди иногда говорят. Но мне нравится делиться тем, что я делаю с каким-то одним человеком, в частности, с моей женой, да, я предпочитаю её всей этой

толпе. И мне это больше нравится. Я не то, чтобы горжусь этим, и не то, чтобы стыжусь этого, просто вот я такой. Я иногда чувствую, что меня просто заталкивают, загоняют в угол, а меня заталкивали, запикивали так часто в разные углы в моей жизни, включая всё то, что со мной делали все мои зависимости, и я обижался, я был преисполнен обидой практически всю мою жизнь. Иногда это очень трудно.

Иногда очень трудно говорить с людьми, которые новички. Я знаю, что в программе всегда очень много новичков, и сегодня вечером тоже. Я всегда думаю о новичке, пытаюсь понять его со своей позиции, даже когда я спикерю. И я теряюсь. Потому что мы ведь не проповедники здесь, мы здесь для того, чтобы учиться, каждый из нас. И я всегда вспоминаю, как я пришёл на своё первое собрание, как я боялся. Я до сих пор боюсь любого нового места, куда я прихожу, всегда смотрю, где ближайшая дверь, где ближайшее окно, сажусь поближе к двери, потому что хочу быстро-быстро убежать, если что-то произойдёт. И я всегда был таким – я никогда не поворачивался спиной к двери. У меня есть такие мягкие навыки выживания, потому что у меня было много, много проблем, когда я оказывался в углу, и поэтому я всегда оставляю небольшое пространство для манёвра.

Самое важное для меня во время разговора с кем-то – это шаги. Потому что, когда мы обсуждаем шаги в любом формате, всё, что мы делаем, это, я думаю, мы усложняем их и делаем более сложной работу над ними. Шаги – это всё, что у меня есть в жизни сегодня. Мне не надо над ними сознательно работать, но я работаю над ними. Программа стала такой большой частью моей жизни после какого-то определённого времени, что я работаю по ней так естественно. Когда я пришёл, мне приходилось над ними стараться, потому что не было другого варианта – я знал, что если не буду работать по шагам, я умру. Только так я понимал, что был в полной жопе в каждом секторе своей жизни. Ничего не осталось, и мне нужно было капитулировать, нужно было сдаться. Сделать это было трудно, потому что я не мог думать, не мог говорить, у меня шесть месяцев ушло на то, чтобы одно предложение сформулировать. Я так злился на себя. Люди от меня отпрыгивали, я пытался что-то сказать, а у меня язык сваливался с зубов. То, что я говорил – это было ужасно. Я до сих пор иногда так гневаюсь, что предпочитаю выбежать из здания. Я подбегал к стене и бился, прям кулаком бил, резал руки. Я не знал, как я могу измениться, как почувствовать чьё-то расположение к себе, я ненавидел себя настолько, что смотрел на себя в зеркало и плевал. И это происходило, когда я оставался чистым и трезвым достаточно долгое время. И я не знал, что делать.

Я оставался чистым, и на первый юбилей мне дали пирог. И за десять минут до того, как взять его, я не был уверен, могу ли я его взять. Я не знал, был ли я чистым это время. Я спросил у парня: «Я не знаю, есть ли у меня право выйти и взять его, потому что я не знаю, был ли я в программе этот год». А он говорит: «Ты где был каждый вечер? А иногда и днём?». Говорю: «Я на собрания ходил. Два-три раза в день. Четырнадцать собраний на уик-энд иногда, с пятничного вечера до полудня понедельника. В тюрьмы, в кемпинги ходил». Он говорит: «Ты раскумаренный на собрания, что ли, приходил?». Говорю: «Нет, конечно». Он: «Ну, значит, у тебя год!». Вот только поэтому я взял этот пирог, потому что он сказал. Сам я не знал, могу я или нет.

Потом прошло какое-то время, и у меня реальные проблемы начались, умственные, эмоциональные и духовные. Я думаю, это та часть, которая в двенадцатый шаг идёт, потому что я перепрыгиваю с первого на двенадцатый иногда. Потому что это легко понимать – я остаюсь чистым только сегодня и пытаюсь помочь кому-то. Все остальные шаги встают между первым и двенадцатым, когда мы идём, когда мы остаёмся чистыми.

У меня было много проблем. С семьёй – я не мог сидеть и есть с семьёй два с половиной года, у меня была эмоциональная боль, чувство незавершённости. У меня была неспособность жить, я практически не мог работать. Но на собрания я ходил, я говорил с людьми, я отвечал на звонки по двенадцатому шагу. В какой-то момент мне стало так плохо, что я не мог выйти из спальни. Полтора года в программе, и я не могу выйти из спальни... И я не мог говорить, сидел, как овощ там, рот не мог открыть. Моя жена тогда зашла и говорит: «Что с тобой? Хочешь чашку кофе? Сигарету?». Три дня это продолжалось. В постели, в спальне. Туалет, избавляюсь от кофе, и обратно в постель, больше я никуда не ходил. Из дома я не мог выйти, я был полон ужаса. У меня страха было больше, чем когда-либо в жизни. Я не мог выйти, потому что я не нашёл никакой Высшей Силы, на которую я мог бы опереться. Я не хотел всей этой религиозности, которую мне пытались запихать всю мою жизнь, потому что, когда я был пацаном, я никогда не сбегал из школы, я любил школу, любил учиться. Но я сбегал из церкви постоянно, я не мог оставаться на службах, потому что мне говорили о том, во что я не верил. Я уходил туда, вверх, на шотландские холмы, и там я смотрел вниз, на город и чувствовал то же самое, что я сегодня утром почувствовал, как искра такая по телевидению. Тогда мне было 7 или 8 лет, я стоял там наверху, смотрел на руины замка, лежал в траве, дышал, и было так здорово по сравнению с тем, что я

чувствовал, когда был рядом с людьми, в городе. Или когда я помогал отцу на сцене, или когда я танцевал. Это было нормально, но я всегда боялся. Я благодарю Бога за то, что этот страх покинул меня. Мне сейчас легко. Я иногда чувствую себя неудобно, но мне легко.

Как и любому другому человеку, мне было трудно приходиться сюда до собрания. Я думаю, что я чувствовал себя легко, когда я пришёл к тому моменту, что мне нужно что-то сделать, чтобы изменить в своей жизни, то, о чем говорится в двенадцатом шаге. Нам нужно какое-то изменение, которое меняет что-то глубоко внутри, чтобы мы встали на другой путь.

В тот день я пытался уснуть в своей собственной спальне. Поздно ночью, темно. Я уснул ненадолго. А проснулся я в состоянии полного животного страха, не зная, что происходит. У меня был опыт страха, как у любого из нас. Так вот этот ужас был другим. Я не знал, чего я боялся, понятия не имел, что происходит, я не мог двигаться – это было хуже всего. Лежал там, как кусок дерева – я не мог двигаться, не мог думать, не мог кричать, не мог попросить о помощи. А потом я видел белое, круглое, сияющее, огромное свечение впереди меня. Как будто огромный серебряный диск, и с двух сторон, как будто, два столба. И были такие ступени. И если вы представляете, как я до этого испугался, то вообразите, как я испугался теперь, когда увидел это. Я все эти годы вспоминаю это. Потом я слышал голос, который мне сказал: «Не бойся». Не бойся!? Да я двигаться не могу! Но когда голос раздался, мне как-то легче стало, и я начал терять страх. А голос сказал мне, что делать. А я говорю: «Нет, я не могу это сделать. Не могу я это сделать». И голос мне сказал потом что-то такое глубокое, что показывает, как глубоко он знал меня, потому что он сказал мне так, со смехом: «Эх, ты, говнюк!». И я точно понял, что он имел в виду, этот голос – я опять делаю то, что делал всегда – подойти, залезть со стороны, не прямо, уйти от вопроса, страх встать лицом к лицу к чему-либо. Всю свою жизнь я никогда не поворачивался лицом ни к чему. И он сказал, что я должен измениться. И вот это одна из причин, почему я в этой программе, я даже вам не смогу словами это сказать. И это был очень глубокий опыт для меня, потому что 24 часа я испытывал полную и абсолютную капитуляцию. Я знал, что всё хорошо!. Я знал, что всё работает в мире.

Половину времени из своей жизни я пытался пройти своим путём. Всё, что мне надо делать – это следовать дорожным знакам. И с тех пор большинство времени так и было. Я не забыл ничего из того, что произошло. Я могу сесть и картинку вам нарисовать. Единственное, что могу сказать, что тот голос – это была Высшая Сила, первая Высшая Сила, которую я нашёл, потому что я понял её, что она говорит, откуда она пришла. Понял, что где-то в глубине меня, глубоко, я связан с этой вселенной, что-то связывает меня с этим миром. И те концептуальные боги, в которых верят люди – я никогда не верил в это.

В семье моей всё было по-другому – от католицизма до пресвитерианства, и все эти «-измы», которые между ними. Это всё забивает голову ребёнку, понимаете? Но когда я был ребёнком, я всегда надеялся, что что-то там есть для меня. Когда я был маленьким, я общался с мужиками, которым было 60-70 лет, мне нравилось быть с ними, потому что они говорили интересные вещи, и показывали их мне. Один старик, с которым мы очень подружились, ему было далеко за 70, был исследователем, археолог, орнитолог. Я смотрел на все те вещи, которые он привозил из своих экспедиций, мне так интересно было. А мой другой близкий друг был глубокий пьяница. Он очень хорошо относился ко мне, с ним было так весело, намного веселее, чем с другими. Он часто падал с лестницы и всё ломал себе – ноги, голову, кровь стекала с двух-трёх пролётов лестницы. И как-то раз я нашёл его, мне было около семи с половиной, он упал с лестницы, я побежал за мамой, и мы отвезли его в госпиталь. Я всё время говорил маме: «А когда мы увидим господина Крукшенка?». А она: «На следующей неделе», потом опять: «На следующей неделе». А мне надо было с ним увидеться. Потом она отвезла нас в одно место, это такая психбольница, в прекрасном месте, но психбольница. И он там сидел и спал в стуле, в инвалидном кресле и смотрит прямо перед собой, меня не видит. Я понять не мог, почему он меня не видит, что с ним. Мама сказала, что ему очень больно, потому что он слишком много пил и слишком много травмировал себя за эти годы. Я не мог ничего понять, я понял, что его забрали. И, когда мы потом спускались по тропе, чтобы сесть на канатку и поехать домой, мама спросила: «Почему ты молчишь?». Я ответил, что когда вырасту, то буду людям помогать, таким людям, как господин Крукшенк.

И я никогда это не забывал, потому что я очень хотел делать то, что имел в виду тогда. Передо мной был путь – мне надо было стать алкоголиком, стать зависимым. Чтобы выполнить своё предназначение.

Я стал ходить в школу, в подготовительную школу в Пенсильвании, я учился на священника. Три года я там продержался, мне очень трудно было. Я украл всё вино, которое там нашёл, там не оставалось вина для того, чтобы священник смог сделать обряд причастия. Конечно, я знал все пути, как спуститься в винный погреб. Я спускался туда и вытаскивал всё оттуда.

Вскоре после этого я нашёл работу, я не помню, как она называлась, надо было убирать комнаты святых отцов, книжки там ставить на место и... выпивать их виски. Всё дело было в этом. Шесть-семь комнат с утра, и мне уже было ништяк. Тогда мне было приятно выйти куда-то из этой деревни. Кстати, сейчас в этой деревне проходят два собрания АН. Все мои друзья продолжили учёбу, и они стали такими людьми, каким я надеялся стать с течением времени, они профессора, учителя, деканы, президенты университетов, все они стали такими, кроме тех, которые померли. И вот я встречаю как-то одного из них, а он теперь член сообщества АА, он теперь миссионер. Я встретился с ним через 26 лет прямо в долине Сан-Фернандо, у него тогда было 15 лет в программе, и вот так наши дороги пересеклись.

Не знаю, может, я многого не сказал, не знаю, сколько времени я вообще должен говорить. У нас, вообще, танцы будут после этого? Ну, я скоро буду заканчивать.

Я хочу еще немного сказать про комитеты БУ. О том, что это трудно было тогда. Многие из вас знают о том, что эта программа лучше всего работает изнутри. Я думаю, что если мы можем нести весть тем людям, которые взаперти, тогда действительно это сообщество будет расти. И я выяснил, что ошибался. Потому что оно и снаружи не растёт, и изнутри не растёт. Когда мы первые разы понесли весть АН в закрытые учреждения, мы пытались донести весть в закрытую тюрьму, и после первых собраний нас попросили не приходить больше никогда. Парень, которые вёл там собрания, всё время говорил, говорил, говорил с людьми, которые там сидят, а им это не нравилось. И они сказали: «Ребят, не приходите больше сюда, ладно?». И это нормально, мы ведь учились. В следующий раз мы пошли в строгий режим с другим парнем. И один там с заднего ряда говорил все эти мудрые вещи всё время. И через год он заходит на собрание, весь такой на понтах, с этими историями, в белой куртке. И мы его зацепили сразу. Он говорил, как у него всё хорошо в БУ в Анонимных Алкоголиках, и зачем ему всё это в Анонимных Наркоманах. Я его спросил после собрания, может ли он еще прийти. Он говорит: «Не знаю, не думаю, я слишком занят, много дел, типа, хожу в закрытые учреждения, несу весть». Я говорю: «Ну, нам тоже нужно нести весть». И мне пришлось его реально на крюк цеплять, потому что я до сих пор не всегда кристально честен, как мне хотелось бы. И я сказал, что хочу попросить его провести собрание в следующую пятницу. И он, конечно, заглотив эту наживку, и пришёл в пятницу, и дружок привёл. И у нас было чудесное собрание, он стал приходить, и он стал возвращаться. В общем, неважно, как мы приводим сюда людей, главное, чтобы они приходили.

Моя Высшая Сила так смешно со мной работает. Когда я был новичком, я просил так: «Я хочу, чтобы был кто-то, кому нужна эта программа, всё равно, на один день, на два часа. Просто, чтобы был кто-то, кому нужна эта программа хоть ненадолго». Потому что это желание можно увеличить, его можно во времени потом растягивать, на это желание можно наращивать время. Я думаю, что в итоге неважно – 24 минуты, 24 часа, всё, что нам нужно – это какой-то новичок. Странно работает наша Высшая Сила – либо кто-то звонит, кто-то в странные места приходит – в мужском туалете, в ресторане, в баре каком-то. Раз приходишь и говоришь – вот программа. Это всё равно, что зерно бросить в землю. Это одна из вещей, которую я продолжаю делать в программе. Всю свою жизнь. Просто я ничего другого делать не умею, в этом и есть моя жизнь. Это не значит, что у меня нет других каких-то дел, но у меня времени нет сделать всё, что мне хотелось бы сделать.

Иногда я думаю, что если мы все собрались бы вместе и попросили бы нашу коллективную Высшую Силу сделать так, чтобы в дне было 48 часов, чтобы в неделе было 23 дня, может быть, тогда мы могли бы успеть сделать всё то, что мы хотим. Но я сомневаюсь, что это когда-нибудь произойдёт. Может, мы доживём лет до 250-ти, нет? Поэтому я говорю людям, которые пришли в программу, которых встречаю на собраниях: «Я буду приходить сюда еще долго-долго». Я буду приходить для людей, которые приходят в эту программу, я не уйду. И я надеюсь, что вы тоже здесь будете, потому что, может быть, если мы будем держаться вместе, мы действительно обретём единство в этой программе, мы действительно научимся применять традиции, потому что это единственный способ, за счёт которого может расти сообщество. И мы сможем нести весть в каждый уголок мира. Неважно, здесь, или в Бангкоке, или в Шотландии, в Польше. Кстати, два дня назад мы проникли за железный занавес, в Польшу.

Удивительные вещи происходят, например, католический священник в Бразилии перевёл кусочек Белой книги. Мы пытаемся с ним связаться, я ему звонил несколько раз, не могу дозвониться, поэтому я ему письмо написал. Звонки с просьбой о помощи поступают из разных стран мира.

Нам нужен каждый человек. Не просто там несколько человек, любой член сообщества Анонимные Наркоманы нужен нам так или иначе. Ни у одного из нас ничего не получается на самом деле по отдельности. К сожалению, это часто происходит – мы думаем, что у нас всё получилось. Мы не можем всё своё время отдать, но мы можем быть Программой, я и ты вместе – это Программа. И ты – единственная Программа, которую кто-то когда-нибудь, может быть увидит. Каков твой образ – это маска или это настоящее твоё лицо.

Иногда меня так припирает к стене, что я просто не могу быть серьёзным, даже если пытаюсь. А сегодня вечером я старался быть серьёзным, потому что я понимаю, что когда я смотрю на эту комнату, в которой сидит столько людей, я вспоминаю то время, когда мы сидели вдвоём - втроём за столом, и это было единственное собрание в мире. И я говорил Бобу: «Зачем нам всем этим заниматься?». Он отвечал: «Нам надо просто топором прорубать дорогу к людям». Боб с тех пор на меня обижается, потому что я ему тогда написал письмо и сказал в нём, когда собрание начнётся, но я не приложил чек с деньгами. Зачем тебе деньги, Боб? Зачем? Проблемы искать? Ты сам по себе проблема!

Если возникал вопрос – для чего мы это делаем, я отвечаю так: «Потому что придёт день, когда в комнате соберётся куча детей, которые ещё даже не родились. И им нужно будет что-то, что мы можем им предложить, тот опыт, который мы накопили. И слава Богу, что у нас есть, что им предложить! Не только новичкам, но детям! Тем членам сообщества, которые ещё не родились!». У нас есть что-то, что предложить миру.

Эх, что же я там написал, на последней странице? Я хотел чем-то закончить. Попробую вам это передать. Не точно-точно, но суть. Я думал о том, что эпитафия, которую я бы хотел видеть на своём могильном камне, ну, если у меня будет когда-нибудь могильный камень, а то, может, меня в море похоронят. Но если она будет, то я бы хотел, чтобы она звучала так – **всё, что мы сделали – всего лишь бросили в землю несколько семян, а потом работали, собирали урожай, чтобы это работало. Чтобы мы и другие люди могли жить в мире, свободе и любви.**